

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.20>

Талызина Елена Викторовна

**"ГРАЖДАНИН ЗЕМЛИ": ЭДВАРД ТОМАС КАК СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО МЕЖДУ
"РОМАНТИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИЕЙ" И ЭКОКРИТИКОЙ**

"Экологическая" традиция имеет в английской литературе долгую историю. Поэты-"романтики" создали то, что в наши дни назовут "романтической экологией", ярким представителем которой был У. Вордсворт. В конце XX века возникла "экокритика" - экологический подход к литературе. В статье рассматривается творчество английского прозаика, литературного критика и поэта начала XX века Эдварда Томаса, оценённого по достоинству в качестве "экологического" писателя лишь недавно. Автор показывает, что, будучи наследником "романтической экологии", он перенёс её концепцию в новый век и превосхитил в своих произведениях основные положения экокритики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/7/20.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 7. С. 92-96. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Таким образом, роман Э. Бронте продолжает традицию жанра романа об усадьбе (“country-house novel”), поскольку в центре произведения находится образ дома, с которым связаны основные события романа. В романе усадьба Грозовой перевал оказывается связанной с образом Аркадии, который группирует вокруг себя основные понятия национальной концептосферы и является воплощением национальной идентичности.

Список источников

1. Атарова К. Н. Поэзия и правда // Рэдклифф А. Роман в лесу. Остин Дж. Нортенгерское аббатство. М.: Радуга, 1983. С. 7-28.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234-407.
3. Бронте Э. Грозовой перевал // Бронте Э. Грозовой перевал. Бронте Э. Агнес Грей. М.: Эксмо, 2000. С. 5-335.
4. Зыкова Е. П. Пастораль в английской литературе XVIII века. М.: Наследие, 1999. 256 с.
5. Мусвик В. А. Новая Аркадия Ф. Сидни в контексте культуры рубежа XVI-XVII вв.: дисс. ... к. филол. н. М., 2000. 331 с.
6. Паксман Д. Англия: портрет народа. СПб.: Амфора, 2009. 380 с.
7. Рикер П. История и истина. СПб.: Алетейя, 2002. 400 с.
8. Седых Э. В. Творчество Уильяма Морриса в контексте эстетизации Средневековья и взаимодействия литературы с другими видами искусства: автореф. дисс. ... д. филол. н. СПб., 2009. 43 с.
9. Фаулз Дж. Быть англичанином, а не британцем // Фаулз Дж. Кротовые норы. М.: АСТ, 2004. С. 143-159.
10. Цветкова М. В. Английское (English) // Межкультурная коммуникация. Н. Новгород: НГЛУ, 2001. С. 158-182.
11. Guedon-De Concini C. Vision and Revision of the National Past in the British Country-House Novel, 1900-2001: Diss. ... Ph. D. Philadelphia, 2008. 264 p.
12. Hazlitt W. Sketches and essays. L.: John Templeman, 1839. 361 p.
13. Hutton R. The Rise and the Fall of Merrie England: The Ritual Year, 1400-1700. Oxford: Oxford University Press, 2005. 346 p.
14. James H. The Portrait of a Lady. Boston: Hought Mifflin Co., 1959. 257 p.
15. Kelsall M. The Great Good Place: The English Country House and English Culture. N. Y.: Columbia, 1993. 210 p.
16. Lerner L. The Uses of Nostalgia: Studies in Pastoral Poetry. L.: Chatto and Windus, 1972. 341 p.
17. Lodge D. Introduction // Foster E. M. Howards End. N. Y.: Penguin Books, 2000. P. 5-35.

**NATIONAL IDENTITY PROBLEM IN THE ENGLISH NOVELS
(BY THE MATERIAL OF THE NOVEL “WUTHERING HEIGHTS” BY E. BRONTË)**

Sklizkova Tina Alekseevna, Ph. D. in Philology

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
tinka_s@list.ru

The article considers the relevant problem of national identity. In the English novels, this problem is associated with the “country house” image. The paper argues that the “country house” concept and the image of Arcadia related to it play the key role in the process of developing national identity and they are a figurative representation of the English national idea. Scientific originality of the study lies in the fact that the author clarifies the interaction of the country-house novel genre and the England-Arcadia literary image by the example of E. Brontë’s novel “Wuthering Heights”.

Key words and phrases: Englishness; national identity; Arcadia; E. Brontë; novel; country-house novel; house chronotope.

УДК 821.111

Дата поступления рукописи: 22.04.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.20>

«Экологическая» традиция имеет в английской литературе долгую историю. Поэты-«романтики» создали то, что в наши дни назовут «романтической экологией», ярким представителем которой был У. Вордсворт. В конце XX века возникла «экокритика» – экологический подход к литературе. В статье рассматривается творчество английского прозаика, литературного критика и поэта начала XX века Эдварда Томаса, оценённого по достоинству в качестве «экологического» писателя лишь недавно. Автор показывает, что, будучи наследником «романтической экологии», он перенёс её концепцию в новый век и предвосхитил в своих произведениях основные положения экокритики.

Ключевые слова и фразы: Эдвард Томас; английская литература начала XX в.; «романтическая экология»; Уильям Вордсворт; экокритика; «экоцентрическая» литература; антропоцентризм.

Талызина Елена Викторовна

Самарский государственный технический университет
elanor68@mail.ru

**«ГРАЖДАНИН ЗЕМЛИ»: ЭДВАРД ТОМАС КАК СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО
МЕЖДУ «РОМАНТИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИЕЙ» И ЭКОКРИТИКОЙ**

Вместе с успехами по освоению диких пространств Земли и достижениями научно-технического прогресса нарастала тревога человека о состоянии сначала его ближайшей среды обитания, а затем планеты в целом. Это растущее беспокойство отражается в литературе, например, в творчестве английских поэтов-романтиков («романтическая экология»). К концу XX века в англоязычном литературоведении появился экологический подход

к литературным произведениям – «экокритика». Но некоторые исследователи полагают, что истоки экокритики следует искать гораздо раньше. Так, они видят её предвосхищение в творчестве британского писателя Эдварда Томаса (1878-1917), продолжателя традиции «романтической экологии». Изучение его произведений, как прозаических, так и поэтических, **актуально** из-за его удивительно современных взглядов на отношение к природе.

Однако в чём-то опередившие своё время «экологические» взгляды Томаса оценили далеко не сразу. Достойную оценку на родине поэта они получают лишь в последние годы, когда состояние окружающей среды стало одной из насущных проблем во всём мире. В России же, где творчество Э. Томаса вообще малоизвестно, работы на эту тему практически отсутствуют. В этом и заключается **научная новизна** данного исследования.

В статье предпринимается попытка показать, что Э. Томас в своих произведениях является наследником «романтической экологии», а также предвестником «экокритики».

Джон Пауэлл Уорд (Ward) в заключении своей книги “The English Line” («Английская линия», 1991), размышляя о будущем английской поэзии, делает предположение, что, возможно, её главной темой, как и темой мировой поэзии в целом, станет беспокойство о судьбе «глыбы недвижимости под названием планета Земля» [17, р. 196] (здесь и далее, кроме указанных случаев, перевод автора статьи. – *Е. Т.*)

Однако тревоги о состоянии окружающей среды проникли в английскую литературу гораздо раньше конца XX в., вероятно, вследствие рано произошедшей в Британии промышленной революции. В книге “Romantic Ecology” («Романтическая экология»), изданной в том же 1991 г., Джонатан Бейт на примере поэта Уильяма Вордсворта показывает, что уважение к дикой природе и скептическое отношение к преобладающему в человеческом обществе в течение веков взгляду на первостепенное значение экономического развития имеют довольно долгую историю [2, р. 9]. Что касается «романтической экологии» (термин, созданный Бейтом), то автор считает, что это традиция уважительного отношения к «зелёной земле» [Ibidem, р. 40], понимающая невозможность ни физического, ни психологического существования человечества без природы; это признание единства жизни на Земле, в единой огромной экосистеме, равновесие которой «мы нарушаем с опасностью для самих себя» [Ibidem]. Бейт противопоставляет романтическую экологию «романтической идеологии»; по его мнению, первая, в отличие от второй, означает не бегство от истории и общества, а попытку обеспечить человечеству возможность жить в гармонии с окружающей средой и таким образом лучше приспособиться к материальному миру [Ibidem].

Историческая преемственность традиции экологического сознания [Ibidem, р. 9] привела в конце XX в. к появлению «экокритики» (ecocriticism) [4, р. 12]. По Лоренсу Купу (Laurence Coupe), экокритика (полное название «экологическая литературная критика» [Ibidem, р. 11]) – это исследование отношений между литературой и природой, в частности, литературные представления о природе, а также способность литературы вдохновлять читателей на действия в защиту природы. Экокритику волнует тема судьбы Земли, то есть этот подход включает в себя, например, классовый, гендерный и другие подходы [Ibidem, р. 11-12].

Как полагает Куп, главным достоинством экокритики является то, что она делает упор на природу, до её же возникновения гуманитарные науки обычно ставили культуру выше природы. Даже само слово «гуманитарный» указывает на антропоцентрический (ориентированный на человека) фокус оценки [Ibidem, р. 12].

Что касается антропоцентризма, то, по Дж. Бейту, сторонники как марксистского, так и буржуазного подхода разделяют убеждение, что человек должен господствовать над природой, которая рассматривается не более чем сырьё для производства [2, р. 57]. Ещё в начале XX века такой взгляд был широко распространён. Например, Бейт цитирует 23-ю из «Вводных лекций в психоанализ» Фрейда, в которой психоаналитик сравнивает эскапистское фантазирование с созданием природных парков и заповедников там, где развитие сельского хозяйства, строительство дорог или постройка промышленных предприятий угрожают «изменить первоначальный ландшафт до неузнаваемости» [Ibidem, р. 52]. По Фрейду, в заповеднике «всё может расти и распространяться как ему угодно, включая то, что бесполезно и даже вредно» [Ibidem]. Такое отношение явно антропоцентрично – Фрейд имеет в виду бесполезное и вредное для человека, однако для природы это может оказаться «полезным и благотворным» [Ibidem, р. 57]. Даже выражение «глыба недвижимости» по отношению к Земле имеет оттенок антропоцентризма.

«Ортодоксальный» взгляд, что человек – господин, хозяин природы, иногда противоречил чувствам человека. Так, Бейт цитирует французского политического деятеля XIX в. Алексиса де Токвиля (1805-1859), описывающего свое восхищение девственной дикой природой Америки и одновременно с горечью предчувствующего, что скоро цивилизация дойдёт и туда: «Мысли о диком природном величии, которому скоро настанет конец, перемешиваются с... предвкушением триумфального марша цивилизации» [Ibidem, р. 39]. К гордости за достижения человечества у автора примешивается непередаваемо горькое сожаление о «той власти, которую Бог даровал нам над природой» [Ibidem]. С одной стороны, человек понимает неправильность антропоцентрического взгляда на природу, а с другой стороны, не может преодолеть распространённый стереотип иудео-христианской традиции. Это невольно вызывает в памяти «бремя белого человека».

Словом «природа» мы обозначаем «нечеловеческое» в качестве посредника для того, чтобы «человечеству было спокойнее с самим собой» [Ibidem, р. 56]. Однако если «нечеловеческое» что-то делает для нас, мы должны отплатить ему тем же – хотя бы просто позволить ему продолжать существовать [Ibidem]. Это уже выражение позиции «экоцентризма».

По мнению современных исследователей, британский поэт, прозаик и литературный критик начала XX в. Эдвард Томас в своём творчестве предвосхитил экокритику [12, р. 22]. Его знание произведений как авторов – «натуралистов», так и поэтов-романтиков способствовало пересадке «романтической экологии» в «новое

измерение и в новый век» [Ibidem]. По словам Л. Купа, можно подумать, что произведения Э. Томаса были написаны не сто лет назад, а в наши дни, так современны изложенные в них взгляды [4, p. 13].

Позиция Э. Томаса по отношению к природе «экоцентрична». В 1908 г. он в письме так выразил свои взгляды: «Я не противопоставляю Природу Человеку. Совсем наоборот. Человек кажется мне очень малой частью Природы, причём той частью, которая мне нравится меньше всего» [12, p. 23].

Эдна Лонгли, пожалуй, наиболее авторитетный современный специалист по творчеству Э. Томаса, пишет о реализации в «экоцентрической» поэзии Томаса того, что сам он называл «умалением значения человека в ландшафте» [3, p. 33], когда «люди “исчезают”, деревья надвигаются на жилища» [Ibidem, p. 33-34] (например, в стихотворении “May 23” («23 мая»), в котором герой – старик-сельчанин, перебивавшийся случайным заработком, «исчез» в тот самый день [12, p. 63], или в стихотворении “House and Man” («Дом и человек»), где лес поглощает стоявший в нём дом [Ibidem, p. 60]). (Ср., например, с “The Ruined Cottage” («Разрушенной хижинкой») Вордсворта, знаменующей победу «сорняков» [2, p. 34].)

Л. Куп считает, что Томас помещает человечество в более широкий контекст мира природы [4, p. 12]. Комментируя стихотворение поэта “I never saw that land before” (досл. «Я никогда не видел прежде этот край») и, в частности, употреблённую в нём фразу “the language not to be betrayed” [12, p. 120] («язык (деревьев и птиц), который нельзя выдавать»), он пишет, что единственная привилегия поэта для Томаса – это понимание потребности в служении, а не притязания на высшее знание или господство. «Язык, который нельзя выдавать», знакомит его с мудростью «нечеловеческого» мира [4, p. 21]. Куп заявляет, что позиция Томаса заключается в том, что он считал человеческую культуру малой составной частью более широкой культуры природы, в которую люди могут время от времени заглянуть, если откажутся от своего «надменного антропоцентризма» [Ibidem]. Сам Томас выражает это более образно, например, в книге “The South Country” («Южный край»), где песня соловья может освободить нас от «местечковости человечества» [16, p. 34] и дать нам доступ в «империю, в которой мы внезапно ощущаем себя гостями, не вполне чужестранцами» [Ibidem].

Основоположником экокритики, вероятно, следует считать Реймонда Уильямса [4, p. 13]. Но, по мнению исследователей, в своей фундаментальной работе “The Country and the City” («Деревня и город»), вышедшей в 1973 г., Уильямс не оценил вклада Томаса в экологическую литературную традицию [Ibidem], обвиняя его в ностальгической «фантазии» [3, p. 32], причисляя к писателям – «георгианцам» [18, p. 366], то есть упрекая в эскапизме, приписываемом «романтической идеологии», причём малохудожественном. В качестве примера Уильямс приводит отрывок из очерка “An Old Farm” («Старая ферма») из книги Томаса “The Heart of England” («Сердце Англии», 1906 г.) – описание старого фермера на лошади, который Томаса «наводит на мысли о кентавре» [15, p. 66]. Там же фермер сравнивается с фавном и полубогом «классической эпохи» [Ibidem]. Уильямс (обращая внимание на силу и ясность наблюдения Томаса) отмечает «чуждую образность» [18, p. 367] – весь традиционный набор представлений о «сельском» и «пасторальном», в псевдоклассическом духе, совершенно не соответствующих классической литературе, которые были обычными в первые десятилетия XX века: фавны, Пан, кентавры, Золотой век и т.д. [Ibidem]. Ещё в одном отрывке из той же книги (очерке “Meadowland” («Луга»)) Томас уподобляет встреченных на дороге сельских жителей «созданиям мечты» [15, p. 58]. В использовании «избитых свойств традиционной пасторали» [5, p. 202] упрекает Томаса ещё один автор 70-х годов, канадец У. Дж. Кит, упоминая те же самые отрывки. Также Кит приводит отрывок из более ранней книги Томаса, “Beautiful Wales” («Прекрасный Уэльс», 1905), в котором сидящая при дороге немолодая сельчанка сравнивается с Деметрой, ожидающей Персефону [5, p. 201; 8, p. 186].

Приведённые выше упрёки в адрес ранних книг Томаса, безусловно, справедливы, и Томас видел свои несовершенства яснее кого бы то ни было. Например, он довольно резко отозвался о «Сердце Англии» в письме к другу [12, p. 16]. Однако как его стиль, так и взгляды развивались, и уже в книге “The South Country” («Южный край», 1909), хотя «классическая» образность не вполне изжита, она используется уже по-иному. Вот описание оврага в сердце Даунс (холмов на юго-востоке Англии): «Это край света... Это элементы – чистая земля, и ветер, и солнечный свет, – из которых возникают красота и радость, первоначальные и древние, всегда юные... и посреди – мать-Земля, юная мать мира с лицом, как у Цереры, до того как она потеряла Персефону» [16, p. 153-154].

Что же касается поэзии Томаса, Кит отмечает, что в ней ощущается «торжество земли» (из стихотворения Томаса “The Source” («Исток»)) [12, p. 49] над теми, кто её грабит [5, p. 209]. Это, по сути, признание преемственности традиции «романтической экологии». А Уильямс, например, в стихотворении Томаса “Lob” («Люб»), изображающем архетип английского сельского жителя – олицетворение старой Англии, видит выражение патриотизма, господствовавшего в эпоху расцвета английского империализма, который в сельском прошлом «нашёл... самую коварную из своих форм» [18, p. 370], хотя ничего более далёкого от взглядов Томаса нельзя вообразить. Создаётся впечатление, что автор вряд ли вообще читал произведения Томаса.

Слово «Земля» / «земля» имеет в творчестве Томаса немалое значение. Он понимает, что человек не занимает на планете главенствующего места, так как ему приходится делить её с более многочисленными обитателями («на земле больше деревьев, чем людей, больше цветов, чем детей» [9, p. 24]), что «не земля принадлежит человеку, а человек земле» [Ibidem, p. 150]. Земля существовала «до того, как был выдуман человек или бог» [Ibidem, p. 24], и будет существовать, если человек исчезнет. И, тем не менее, «человек может быть господином того, чем он не владеет» [6, p. 110], и наслаждаться этим. Как Томас говорит о персонаже – двойнике автора в «Деревне» (“The Country”), те холмы, «которые не были созданы для человека, всё же годились ему, как и мириадам других рас, видимых и невидимых, живших и живущих на земле...» [13, p. 10].

В поэзии Томаса можно заметить преемственность развития концепции «Земли». В стихотворении “The Other” («Другой») авторское «я» ощущает себя «старым обитателем земли» (“An old inhabitant of earth” [12, p. 42]). В стихотворении “The Brook” («Ручей») авторское «я» и мотылёк делят «землю и солнце» [Ibidem, p. 96]. Более того, человек может жить только на земле. Так, один из собеседников в стихотворении-диалоге “Wind and Mist” («Ветер и туман») признаётся, что он не знал, что любит землю, пока не попробовал жить в облаках (в доме на утёсе) [Ibidem, p. 74].

В отзывах Томаса о других писателях часто затрагивается тема отношения к природе, «экологического» сознания, в чём можно увидеть зачатки «экокритики». В книге «В погоне за весной» (“In Pursuit of Spring”) Томас отмечает, что поэт и прозаик Джордж Мередит (1828-1909) писал как обитатель этой земли, где, как говорит Вордсворт, «мы... владеем счастьем, иль никогда его не обретаем» (we have our happiness or not at all) [9, p. 60], неправильно цитируя Книгу 11 «Прелюда» (заменяя «мир» на «землю» и «находим» на «владеем», досл. «имеем»; в пер. Б. Колесникова: «...где мы все / В конце концов или находим счастье, / Иль никогда его не обретаем» [1, с. 160]). Томас употребляет эту искажённую цитату ещё не менее трёх раз: в критической биографии Метерлинка [10, p. 173], в автобиографическом романе “The Happy-Go-Lucky Morgans” («Беспечные Морганы») [14, p. 221] и в эссе «Англия» [6, p. 103], где эта фраза относится уже к Англии, родине. Для Томаса, как и в конечном итоге для Вордсворта, Земля была единственным возможным местом человеческого счастья.

Тему отношения Мередита к Земле Томас продолжает в «Литературном паломнике в Англии» (“A Literary Pilgrim in England”), где он пишет, что для Мередита «Земля» значила больше, чем для других «Бог», поскольку для него она обозначала единственную силу, которая была бы в состоянии удовлетворить желание человека стать не «представителем местечкового вида, а гражданином Земли» [7, p. 51]. В той же книге он сообщает о писателе – «натуралисте» У. Г. Хадсоне (1841-1922), что «земля, которую он знает, говоря по-человечески, вечна» [Ibidem, p. 194]. Книга Хадсона «Пастушеская жизнь» (“A Shepherd’s Life”) даёт ему впечатление о том, что люди – такие же «дети Природы» [Ibidem], как и животные, а не «чужестранцы, незваные гости или захватчики на земле» [Ibidem], живущие на ней особняком.

«По-человечески вечная» напоминает о строке из стихотворения Томаса “Fifty Faggots” («Пятьдесят вязанок») “Whatever is for ever for a bird” (досл. «всё, что есть “навсегда” для птицы») [12, p. 90] – вязанки хвороста, которым скоро суждено сгореть в печи, могут показаться птице, свившей в них гнездо, существующими вечно. Так и Земля, имеющая на самом деле начало и конец, эфемерному по сравнению с ней человеку представляется вечной (ничего более «вечного» в нашем распоряжении нет).

Интересно отметить, что Р. Уильямс в той же главе «Уцелевшие сельские жители» своей книги «Деревня и город» отмечает заслугу Мередита в создании нового отношения к Земле в поэзии, цитируя Чарльза Сорли (1912 г.) о том, что Мередит «первым... открыл её [землю] в её правде» [18, p. 361], хотя и замечает, что воспевание «жизненности» [Ibidem, p. 362] Земли и её обитателей в своём крайнем проявлении приводило к разновидности пантеизма [Ibidem]. Он же высоко оценивает достоинства Хадсона в изображении природы и сельской жизни [Ibidem, p. 365].

По мнению Бейта, простая, трудовая жизнь в гармонии с природой в изображении Вордсворта (например, описание в поэме «Прелюд» жизни швейцарских пастухов или деревушки Грасмир в Озёрном крае, где поэт провёл большую часть своей жизни) ведёт к политической независимости [2, p. 21, 25]; сам поэт в «Путеводителе по озёрам» (“A Guide to the Lakes”) назвал Грасмир “pure Commonwealth” [Ibidem, p. 21] (что можно перевести как «чистое народное государство»). Словом “Commonwealth” называлась английская республика во время английской революции XVII в., что отмечает и Бейт [Ibidem]. Любовь к природе способствует любви к человечеству [Ibidem, p. 31]. В Книге 4 поэмы «Прогулка» Вордсворт устами персонажа говорит, что человек, живущий в единстве с природой, распространяет вокруг себя благословение «истинного человеколюбия» [Цит. по: Ibidem, p. 77]. Таким образом, возвращение к природе не исключает политику, а переводит политику в новую сферу отношений между любовью к природе и любовью к человечеству и между правами человека и правами природы [Ibidem, p. 33]. Бейт называет это «зелёным социализмом» [Ibidem, p. 58].

Понятие «зелёного социализма» можно применить к творчеству Томаса с полным правом. В своих прозаических книгах он часто употреблял слово “commonwealth” по отношению ко всему живому на Земле. Например, в критической биографии Ричарда Джеффриса он пишет, что тот во всех формах жизни видел «одно содружество» [11, p. 194]. В «Южном крае» читаем о «содружестве существ, живущих на солнце, в воздухе, земле, море» [16, p. 26] и «содружестве всех форм жизни» [Ibidem, p. 136]. В «Сердце Англии», в очерке «Маки» (“The Poppies”) автор ещё отделяет себя от «содружества всего живого» [15, p. 80] и сожалеет, что ему там нет места [Ibidem]. Но уже в биографии Джеффриса он пишет об «этом безмерном содружестве разнообразной жизни, в котором нам ещё только приходится узнавать наши обязанности» [11, p. 157], то есть о месте и ответственности человека на Земле по отношению ко всему живому, об экологическом сознании, что звучит очень современно. Таким образом, он рассматривает всё живое как «гражданин» единого сообщества, с равными правами на существование, однако сознание накладывает на людей особую ответственность. В «Южном крае» он называет взгляды писателя-мистика XVII века Томаса Траэрна о благоговейном отношении ко всему сущему «общественным мистицизмом» [16, p. 135] и говорит, что они способны совершить «величайшие революции» [Ibidem, p. 136], прежде всего в сознании людей, что приведёт к благу для человечества и планеты в целом.

Как пишет Бейт, в результате чтения Вордсворта Джон Рёскин (1819-1900) предложил необычную «политическую экономию» [2, p. 58], первые три принципа которой, по словам самого Рёскина, – это «Чистый Воздух, Вода и Земля» [Цит. по: Ibidem, p. 59]. На основании произведений Вордсворта (таких, как «Прелюд»

и «Прогулка») Рёскин создал программу по воспитанию экологического сознания [Ibidem, p. 84]. Однако Рёскин, по мнению Бейта, полагал, что, возможно, для выживания человечества было бы полезно возродить чувство «божественной имманентности в природе» [Ibidem, p. 83], присущее архаичному сознанию.

Томас же в «Южном крае» предложил свой проект спасения Земли – программу природоведения, сочетающего романтическую «радость» с наукой [3, p. 32], то есть в традициях «романтической экологии», но ориентированную на воспитание современного экологического сознания «граждан Земли»: «Знание помогает радости дисциплиной... показывая нам в животных, в растениях... что такое жизнь, как наша собственная жизнь связана с их жизнью, показывая нам... наше положение, обязанности и долг среди других обитателей земли» [16, p. 144].

Что касается любви к человечеству, то на основании приведённого выше высказывания Томаса о природе писателя можно было бы обвинить в мизантропии. Однако в стихотворении “The Owl” («Сова») крик совы побуждает авторское «я» к состраданию ко всем обездоленным, включая солдат на фронте во Фландрии (все стихи Томаса были написаны во время Первой мировой войны):

“And salted was my food, and my repose,
Salted and sobered, too, by the bird’s voice
Speaking for all who lay under the stars,
Soldiers and poor, unable to rejoice” [12, p. 65]. /
«И солон стал мне хлеб, не мил ночлег
От крика птицы, что скорбел о всех
Лежавших там под звёздами в ночи
Солдатах, нищих, кто не знал утех».

Как написал Томас в записной книжке 26 августа 1914 г., а затем развил эту мысль в эссе “This England”, привычный родной пейзаж заставил его вспомнить о солдатах на фронте, а затем задуматься над судьбой родной страны [6, p. 221; 12, p. 296], что в конце концов привело поэта на Западный фронт, где он встретил свою смерть. Томас видел в войне акт коллективного насилия как над природой, так и над человечеством [4, p. 21].

Таким образом, в произведениях Э. Томаса можно проследить преемственность традиции «романтической экологии», которая, развиваясь на почве современного сознания, сделала их автора, по выражению Л. Купа, «пророком экокритики» [Ibidem, p. 12]. В XXI веке, когда проблемы экологии занимают одно из первых мест, творчество писателя, несомненно, актуально.

Список источников

1. **Зарубежная литература XIX века. Романтизм:** хрестоматия: учеб. пособие для студентов филол. специальностей пед. ин-тов / под ред. Я. Н. Засурского; сост. А. Ф. Головенченко, Н. П. Козлова, Б. И. Колесников. М.: Просвещение, 1976. 512 с.
2. **Bate J.** Romantic Ecology: Wordsworth and the Environmental Tradition. L.: Routledge, 1991. VIII+132 p.
3. **Branch-Lines: Edward Thomas and Contemporary Poetry** / ed. by G. Cuthbertson and L. Newlyn. L.: Enitharmon Press, 2014. 264 p.
4. **Coupe L.** Edward Thomas and Green Studies // Edward Thomas Fellowship Newsletter. 2019. № 81. P. 11-24.
5. **Keith W. J.** The Rural Tradition. Hassocks: The Harvester Press, Ltd., 1975. XIV+312 p.
6. **The Last Sheaf: Essays by Edward Thomas** / with a foreword by T. Seecombe. L.: J. Cape, 1928. 224 p.
7. **Thomas E.** A Literary Pilgrim in England. N. Y.: Dodd, Mead and Company, 1917. X+330 p.
8. **Thomas E.** Beautiful Wales. L.: A. & C. Black, 1905. XII+213 p.
9. **Thomas E.** In Pursuit of Spring. L.: Thomas Nelson and Sons, 1914. 301 p.
10. **Thomas E.** Maurice Maeterlinck. Second edition. L.: Methuen & Co, Ltd., 1911. XIV+334 p.
11. **Thomas E.** Richard Jefferies: His Life and Work. Boston: Little, Brown & Company, 1909. XII+344 p.
12. **Thomas E.** The Annotated Collected Poems / ed. by E. Longley. Tarsset: Bloodaxe Books, 2013. 332 p.
13. **Thomas E.** The Country. L.: B. T. Batsford, 1913. 60 p.
14. **Thomas E.** The Happy-Go-Lucky Morgans. L.: Duckworth & Co, 1913. VIII+300 p.
15. **Thomas E.** The Heart of England. L.: J. M. Dent & Co, 1906. XVI+256 p.
16. **Thomas E.** The South Country. L.: J. M. Dent & Co, 1909. XII+280 p.
17. **Ward J. P.** The English Line: Poetry of the Unpoetic from Wordsworth to Larkin. L.: Macmillan, 1991. VIII+217 p.
18. **Williams R.** The Country and the City. With an introduction by Tristram Hunt. L.: Vintage, 2016. XXIV+474 p.

“A CITIZEN OF THE EARTH”:

EDWARD THOMAS AS A LINK BETWEEN “ROMANTIC ECOLOGY” AND ECO-CRITICISM

Talyzina Elena Viktorovna
Samara State Technical University
elanor68@mail.ru

“Ecological tradition” has long history in the English literature. Poets-romanticists created a trend nowadays called “romantic ecology”, a vivid representative of which was W. Wordsworth. At the end of the XX century there appeared eco-criticism – an ecological approach to literature. The paper examines the creative work of the English prosaic, literary critic and poet of the beginning of the XX century Edward Thomas who has been duly appreciated as an “ecological” writer only recently. The paper shows that, being a successor of “romantic ecology”, he transferred its conception to a new century and anticipated the basic provisions of eco-criticism in his works.

Key words and phrases: Edward Thomas; English literature of the beginning of the XX century; “romantic ecology”; William Wordsworth; eco-criticism; “eco-centric” literature; anthropocentricity.